

В великовозрастном коллективе аппарата ЦК профсоюза работников культуры я довольно быстро адаптировался еще и потому, что на молодого во всех отношениях коллегу взвалили кучу дополнительных обязанностей. В первые дни моего пребывания в ранге заведующего орготделом ещё морально не окрепшего сотрудника главный технический инспектор товарищ Овсепян, пенсионер с многолетним стажем, участник боёв за Халхин-Гол, пользующийся особым уважением в коллективе, попросил поставить чайник, заварить чай и налить в его глиняную огромных размеров (с полведра) кружку. И остальных товарищей в силу совестливого характера я не мог оставить без чая. Так и закрепилось за мной право ублажать коллег ароматизированным, как указано на упаковке, грузинским чаем. Помимо этого, я редактировал все исходящие документы и распечатывал их на машинке допотопных времен, у которой буквы торчали во все стороны, как расшатавшиеся зубы у моего соседа дедушки Геворка.

Но, чтобы успеть просмотреть, отредактировать и распечатать, я появлялся на работе за час до начала трудового дня. К девяти часам раскладывал готовые документы на рабочих столах сотрудников в точном соответствии с обсуждаемыми вопросами и приступал к

своим прямым обязанностям. Соответственно, позже и уходил, так как председатель Маргарита Хачатуровна к концу рабочего дня «приглашала» меня к себе и озадачивала новым объемом.

Зачастую я на рабочем месте проводил и выходные дни, проявлял особое усердие и пребывая в законном отпуске.

Вот так и случилось, что мне, молодому чиновнику, поручили торжественно вручить награды популярным деятелям культуры, исполнителям и прочим приближенным к музыкальному творчеству лицам только потому, что благотворительный концерт в Доме музыки имени Людвиг ван Бетховена в пользу Фонда Мира, где планировалось сие мероприятие осуществить, был назначен на воскресный день.

Мне под расписку передали энное количество медалей разного калибра, добрую дюжину разных размеров и окрасок грамот. В целом килограммов на пять, если не больше.

Перед концертом председатель Фонда Мира и по совместительству — Союза композиторов Армении Эдуард Мирзоян пригласил меня пройтись по Дому музыки, которым он очень гордился.

На сцене, увидев Мирзояна, подошли сотрудники этого грациозного сооружения, и один из них с озабоченным видом сообщил Эдуарду Михайловичу о том, что ре второй октавы западает, поэтому концертный рояль надо бы заменить либо настроить. Эдуард Михайлович отмахнулся.

— Это ведь не конкурс, а всего лишь благотворительный концерт, так что обойдется. К тому же, чтобы заметить, что ре второй октавы западает, — стал, повышая голос, пояснять Эдуард Михайлович, — нужно иметь не только абсолютный слух, но и досконально знать исполняемое произведение.

Рабочие, растерявшись, отошли, а Эдуард Михайлович до начала концерта все повторял: «Ре второй октавы западает, подумаешь, проблема!»

Для тех, кому предстояло в этот вечер выступать, прямо за сценой из сдвинутых офисных столов соорудили огромную «поляну». Расставили десятка два бутылок спиртных напитков и немереное количество наспех нарезанных мясных закусок.

Музыканты, надо отдать им должное, своеобразно отметили хлебосольство хозяев; они, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно, с криками «ура-а-а» оккупировали расставленные вокруг стола стулья и принялись с хорошей скоростью поглощать всё, что под руку попадалось и... начался концерт.

Никто, как показали дальнейшие события, не собирался в ожидании своей участи трястись от волнения за кулисами. Наоборот,

услышав свое имя, артисты, выказывая откровенное недовольство, с кислой миной поднимались из-за стола и выходили на сцену, с тем, чтобы как можно быстрее вернуться.

Возвращение артистов со сцены оформлялось в соответствии со сложившейся иерархией в музыкальном мире. Естественно, в первую очередь, с присущим Востоку красноречием, звучали поздравления. Самых-самых встречали аплодисментами, корифеи могли позволить небольшие замечания в адрес молодых и т.д.

В этом процессе участвовали все, каждый играл свою роль и не выходил за рамки предназначенного ему судьбой статуса.

Молчал лишь я один.

Надо сказать, что за столом собралась вся элита армянской музыки, а мне не то что «медведь на ухо наступил» — очевидно, стая разъяренных слонов промчалась, да к тому же полное отсутствие музыкального образования сделало меня молчаливым свидетелем этого музыкального капустника. И мне оставалось лишь молча поедать закуски да прикладываться к бокалу с вином.

В первые минуты застолья сотрапезники-музыканты ещё поглядывали на меня в ожидании той или иной реплики, но, убедившись, что я от волнения не в силах и рта раскрыть, потеряли ко мне всякий интерес. Это, конечно, никак не устраивало меня.

Ведь только что на сцене я им раздавал награды, а они в знак благодарности расшаркивались передо мной, теперь же игнорируют, в упор не замечают.

Со сцены вернулась известная, супертитулованная пианистка Светлана Навасардян. Соответственно посыпались комплименты, походившие на конкурс, кто кого перещеголяет, восхваляя обласканную судьбой и властью суперзвезду, и я решил нарушить «обет молчания».

Прежде всего, для бодрости духа и уверенности, я осушил до дна бокал с вином и, чтобы привлечь к себе внимание, небрежно развалился на стуле. Незаметно взмахнул рукой, как это делают дирижёры, намереваясь взорвать зал академического театра шедевральной музыкой, а потом уж обернулся к пианистке. Заметив мои телодвижения, народ тоже обернулся, но в мою сторону. И притих.

— Светлана Агвановна, — спокойно, эдак заносчиво, подал голос я.

Я отметил воцарившуюся за столом тишину и уже втайне возликовал.

— Мне показалось, что ре второй октавы, — я снова сделал паузу и обвел взглядом изрядно нализовавшихся окаменевших собутыльников и выдохнул: — западала?

Шок охватил всю эту высокомерную братию. Каждый застыл в позе, в которой застала его моя фраза, нарисовалось нечто похожее на немую сцену из гоголевского «Ревизора».

Светлана Агвановна растерянно посмотрела на меня и кивком головы подтвердила сказанное мною.

.....

Нет смысла описывать, что произошло после этого.

Еще долгие годы некоторые свидетели этой «исторической» фразы при встрече метров за десять начинали расшаркиваться и приветствовать меня.